

Потерпевший как субъект уголовного преследования

Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ обогатил отечественный уголовный процесс значительным количеством правовых институтов, многие из которых являются непривычными для российских юристов и требуют всестороннего осмысления.

К числу таких нововведений относится изменение процессуального положения потерпевшего. Ст.42 УПК РФ положила конец неопределенности в вопросе о процессуальной функции потерпевшего путем отнесения данной фигуры к стороне обвинения. Наряду с существенным расширением прав потерпевший получил возможность поддерживать обвинение (п.16 ч.2 ст.42 УПК РФ).

Однако пока нет ясности, что именно составляет существо данного права и каким образом оно должно реализовываться. Особенно острую проблему, на наш взгляд, представляет вопрос о том, каким образом право потерпевшего на поддержание обвинения соотносится с аналогичными полномочиями органов уголовного преследования. Ограничены ли обвинительные возможности потерпевшего позицией должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование от имени государства, или потерпевший в известной мере самостоятельный обвинитель?

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к истории развития учения об обвинительных возможностях потерпевшего и проследить за реализацией этих идей в позитивном праве.

В науке обвинительную деятельность потерпевшего, осуществляемую наряду с официальным обвинением, принято называть субсидиарным (дополнительным) обвинением.

Вопрос о субсидиарном обвинении принадлежит к числу неясных и малоизученных проблем отечественного уголовного процесса. Позитивное отечественное законодательство ни в дореволюционный, ни в советский период не знало подобного термина. Тем не менее, в начале XX века вопрос о субсидиарном обвинении получил некоторое освещение в ряде научных работ российских правоведов¹.

Но уже тогда между учеными не было согласия в вопросе о том, какой смысл следует вкладывать в понятие «субсидиарное обвинение». Так, например, И.Я.Фойницкий, классифицируя неофициальное обвинение, пишет: «Основные формы частного обвинения...

*© Петрова Н.Е., 2003

суть: главное обвинение, когда частное лицо устраняет публичного обвинителя, заменяющее обвинение, когда частный обвинитель допускается по делу, преследование которого принадлежит публичному обвинителю, не желающему, однако, выступить с уголовным иском, и дополнительное (русский аналог слова «субсидиарное» — Н.П.) обвинение, когда частное лицо действует в процессе совместно с публичным обвинителем, не устраняя, а лишь пополняя его»².

Н.Н.Полянский придерживался в этом вопросе иного мнения. Полемизируя с И.Я.Фойницким, Н.Н.Полянский указывает на необоснованность отнесения дополнительного обвинения со стороны частных лиц к формам частного обвинения, так как суть этого института «...заключается именно в представительстве частным лицом, наряду с должностным органом, *публичного* обвинения»³. При этом Н.Н.Полянский исходил из того, что необходимо различать право дополнительного обвинения, осуществляемого частными лицами, и права на субсидиарный уголовный иск⁴. Последний, однако, понимается указанным автором также как форма участия частных лиц в публичном обвинении, но несколько отличная по содержанию от дополнительного обвинения. Н.Н.Полянский пишет, что субсидиарным обвинением «...называется возбуждение и поддержание обвинения частным лицом в случае отказа от уголовного преследования со стороны государственного обвинителя», тогда как дополнительное обвинение предполагает осуществление частным лицом обвинительной деятельности одновременно с должностным обвинителем⁵.

В.П.Ширков, исследовавший формы участия частных лиц в обвинительной деятельности, предусмотренные зарубежным законодательством, называл побочным обвинением случаи, когда потерпевший допускался к поддержанию публичного обвинения наравне с прокурором⁶.

Заметим здесь, что хотя субсидиарное обвинение известно нам главным образом по зарубежному правовому опыту, в законодательной практике иностранных государств также нет единообразия в понимании содержания этого института. Так, например, в Польше потерпевший может выступить в качестве субсидиарного обвинителя в делах публичного обвинения, возбужденных по инициативе государственного органа или по частной жалобе, когда прокурор участвует в деле, т.е. наряду с ним⁷. В соответствии с румынским законодательством, потерпевший участвует в разборе уголовного дела в части обвинения на равных правах с другими участниками процесса, обладая дополнительным и исключительным правом поддерживать обвинение⁸. В Югославии же потерпевший участвует в уголовном

процессе как субсидиарный обвинитель лишь по делам публичного обвинения, в которых прокурор не усмотрел оснований для возбуждения уголовного преследования или в ходе процесса от него отказался⁹. Венгерскому законодательству неизвестен институт субсидиарного обвинения, однако в теории существует представление о субсидиарном обвинителе, который бы мог выступать перед судом в качестве стороны наряду с прокурором¹⁰.

В советской и постсоветской юридической литературе вопрос о содержании термина «субсидиарное обвинение» также не получил достаточной определенности. Так, в 1956 году С.А.Альперт, высказываясь против наделения потерпевшего от преступления особыми процессуальными правами, писал: «Должны быть признаны политически ошибочными и практически вредными встречающиеся в литературе попытки проташить институт субсидиарного и дополнительного обвинения в советский уголовный процесс»¹¹. Из контекста ясно, что указанный автор, как и Н.Н.Полянский, разграничивает дополнительное и субсидиарное обвинение.

К мнению Н.Н.Полянского о сущности субсидиарного обвинения присоединяется А.С.Александров. Он считает, что «субсидиарное обвинение — это возбуждение и поддержание обвинения частным лицом в случае отказа от уголовного преследования со стороны государственного обвинителя»¹².

М.Б.Улищенко, выделяя среди прочих видов обвинения субсидиарное, пишет: «Субсидиарным обвинением может служить обвинение, поддерживаемое потерпевшим в суде, где выступает государственный обвинитель. Гражданскому праву известно понятие «субсидиарная ответственность» (ст.399 ГК РФ), что означает «дополнительная» ответственность. Обвинение, поддерживаемое потерпевшим по делу, где участвует государственный обвинитель, не является публичным, но оно и не частное... Это обвинение «дополнительное», оно как бы присоединяется к публичному обвинению прокурора»¹³. Кажется бы, М.Б.Улищенко разделяет толкование субсидиарного обвинения, предложенное И.Я.Фойницким. Однако далее она пишет: «Субсидиарное обвинение приобретает особое значение в суде присяжных при отказе прокурора от обвинения. Тогда и выступает на первый план «запасное» обвинение, поддерживаемое потерпевшим. Оно утрачивает черты государственного обвинения»¹⁴. Таким образом, получается, что М.Б.Улищенко объединяет дополнительное и замещающее обвинение под общим термином «субсидиарное обвинение».

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет утверждать, что формы участия частных лиц в уголовном

преследовании могут быть разнообразны. Частное лицо может самостоятельно осуществлять уголовное преследование по делам частного обвинения (ст.43, 246 УПК РФ), а может участвовать в уголовном деле, производство по которому ведется в общем порядке, осуществляя обвинительную деятельность в качестве потерпевшего. Очевидно, что критерием разделения форм неофициального уголовного преследования на основное и дополнительное является степень процессуальной самостоятельности потерпевшего-обвинителя. В случаях, когда уголовное преследование ведется должностными лицами, потерпевший попадает в известную зависимость от их процессуальных решений и в этом случае он играет дополнительную (субсидиарную) роль по отношению к официальному обвинению. Таким образом, в зависимости от степени процессуальной самостоятельности частного обвинителя можно выделить две разновидности осуществляемого им обвинения: основное, когда процессуальная самостоятельность частного обвинителя ничем не ограничена, и субсидиарное, когда процессуальная самостоятельность частного лица, участвующего в обвинении, ограничивается процессуальными решениями органов официального обвинения, которые в данном случае являются основными обвинителями. Поэтому участие частного лица в официальном уголовном преследовании как раз и представляет, по нашему мнению, субсидиарное обвинение, так как обвинительная деятельность потерпевшего носит дополняющий характер по отношению к основному обвинению, осуществляемому должностными лицами. Таким образом, наиболее точной трактовкой понятия субсидиарного обвинения представляется определение, предложенное в свое время И.Я.Фойницким.

Нельзя не заметить, что анализ понятия субсидиарного обвинения приводит нас к логическому противоречию. Очевидно, что наличие в процессе субсидиарного обвинения не вполне согласуется с принципом состязательности и равенства сторон в процессе, ибо получается, что стороне защиты противостоят два или более обвинителя. Кстати сказать, именно по этой причине институт субсидиарного обвинения не известен англосаксонской системе права. Поэтому, хотя в континентальной правовой системе традиционно считается допустимым существование в процессе нескольких обвинителей, все же нельзя позволить, чтобы они были абсолютно равноправны и независимы друг от друга. В этой связи интерес представляет мысль А.С.Александрова о связанности субсидиарного обвинителя позицией обвинителя основного. Он полагает, что субсидиарный обвинитель несвободен в определении объема обвинения, не

может изменить обвинения, предъявленного публичной властью, в сторону отягощения¹⁵. На наш взгляд, такое суждение оправданно, но только на стадии судебного разбирательства, где действует запрет поворота к худшему. Представляется, что частные лица должны обладать возможностью осуществлять деятельность по преследованию преступлений, параллельную официальной, на досудебных стадиях процесса. Иными словами, субсидиарный обвинитель может вступить в дело в ходе производства предварительного расследования и вести деятельность, направленную на доказывание совершения более тяжкого преступления, чем то, по поводу которого ведется официальное производство. Свои доводы он вправе излагать субъектам официального уголовного преследования в форме заявлений и ходатайств, требовать от них предъявления более тяжкого обвинения и обжаловать отказ в этом. Однако в судебном заседании субсидиарный обвинитель уже не может настаивать на признании подсудимого виновным в более тяжком деянии, чем указано в обвинительном заключении, ибо такое ограничение вытекает из права обвиняемого на защиту.

Анализируя институт субсидиарного обвинения, нельзя обойти вниманием вопрос о правах потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения. Некоторые видные ученые в ходе обсуждения нового УПК РФ высказали мысль, что потерпевший не может поддерживать государственное обвинение, которого при отказе прокурора от обвинения уже нет¹⁶. Эта точка зрения нашла отражение и в позитивном праве. Новый уголовно-процессуальный закон при отказе прокурора от обвинения не обязывает суд выяснять позицию потерпевшего и не предоставляет последнему никаких возможностей влиять на ситуацию. На наш взгляд, данная позиция возникла в результате известной терминологической неопределенности. В отечественной науке термином «обвинение» принято обозначать как утверждение о совершении кем-либо преступления (обвинение в материально-правовом смысле), так и деятельность некоторых участников процесса, направленную на изобличение виновного в совершении преступления (обвинение в процессуальном смысле или уголовное преследование). Деление обвинения на публичное и частное (или точнее, на официальное и неофициальное) имеет смысл только применительно к обвинению в процессуальном смысле. Эта мысль со всей определенностью вытекает из анализа ст.20 УПК РФ. А утверждение о совершении кем-либо преступления (то есть обвинение в материальном смысле) всегда имеет публично-правовую природу, это следует из легального определения

преступления как *общественно* (а не индивидуально! – Н.П.) опасного деяния (ч.1 ст.14 УК Российской Федерации).

Таким образом, отказ прокурора от обвинения означает именно прекращение деятельности государственных органов, направленной на изобличение подсудимого в совершении преступления. Но следует ли отсюда, что такую деятельность не могут осуществлять частные лица?

Здесь перед нами встает важнейший вопрос о том, должно ли государство обладать монополией на уголовное преследование или частные лица в известных пределах также могут осуществлять эту деятельность. В поддержку идеи о разрушении государственной монополии на уголовное преследование и в защиту права частных лиц участвовать в этой деятельности можно привести немало аргументов.

Изучение форм реализации неофициального обвинения показывает, что исторически они развивались в диапазоне от полного отсутствия должностного обвинения (Древний Рим, раннесредневековые государства, Англия до XIX века) до полной государственной монополизации этой деятельности (Франция, Россия периода абсолютизма, Советское государство). Современное состояние отечественного права в этом вопросе можно определить как переходное от почти полной монополии органов государства на ведение уголовного преследования к признанию известного плюрализма форм обвинительной деятельности. Для этого есть причины философско-психологического, политологического и правового свойства.

Прежде всего, частное уголовное преследование имеет мощные исторические и психологические корни как наиболее ранний способ защиты от правонарушений. Это обстоятельство заставило некоторых исследователей заговорить о том, что право частных лиц на обвинение коренится в психологической и даже в биологической основе человеческого существа. Интересную трактовку данного вопроса предлагает Е.Б.Мизулина. Анализируя эволюцию форм участия потерпевшего в правосудии с древнейших времен до настоящего времени, она приходит к выводу о том, что право потерпевшего на обвинение в современном уголовном процессе является видоизменением древнейшего инстинкта самосохранения и самозащиты¹⁷. Право на обвинение, по мнению Е.Б.Мизулиной, общество обязано оставить потерпевшему в качестве единственного возможного способа самозащиты в современном уголовном процессе¹⁸. Отсюда автор делает вывод о том, что государство должно самоограничиться в сфере уголовного преследования, предоставив часть своих полномочий частным лицам. Такая позиция в целом представляется обоснованной.

О глубокой психологической обусловленности потребности человека в непосредственном осуществлении возмездия за преступление свидетельствует тот факт, что даже на современном уровне развития общества нередки случаи самосуда¹⁹. Думается, что предоставление частным лицам возможности на законном основании преследовать виновников преступлений и добиваться их наказания способно в некоторой степени удовлетворять карательные притязания пострадавших и предотвращать таким образом незаконную расправу.

Углублению представлений о психолого-философском значении права частных лиц на обвинение способствует анализ положений современной гуманистической философии о бытии личности в праве. Исследуя сложнейшую проблему взаимоотношений личности, общества и государства, философы неоднократно отмечали извечные противоречия между субъективным, иррациональным миром индивида и объективированной, рациональной природой общественной жизни²⁰. В исследовании этой проблемы особое место занимает вопрос о роли права в отношениях между человеком и обществом. С одной стороны, без закона невозможна ни индивидуальная, ни социальная жизнь. «Право предохраняет личность и общество от саморазрушения»²¹. С другой стороны, право, предписывая человеку формализованные модели поведения, снимает с него ответственность за нравственное содержание поступков²².

Преодоление отчуждения человека в праве философы видят в предоставлении личности максимального числа правовых возможностей для выражения индивидуального представления о мировом порядке. Как замечает Ю.Е.Пермяков, «Внешний, социальный порядок оказывается возможным постольку, поскольку право, принуждающее всех к нему, наделяется нами глубоко субъективным личным смыслом. Социальный порядок и право, в котором мы не можем реализовать понятый нами смысл собственной жизни, будут отвергнуты»²³. Теоретики все чаще приходят к мысли о том, что законодатель, если он заинтересован в эффективности создаваемых им законов, должен предпринимать сознательные усилия к тому, чтобы нивелировать уровень отчуждения личности в праве.

Как представляется, институт неофициального обвинения в этой связи приобретает огромное значение. Личность испытывает непреходящую потребность в непосредственной реализации собственных представлений о справедливости. Попытка государства подавить эту психологическую необходимость приводит к удовлетворению чувства справедливости в наиболее уродливых формах, таких как месть, самосуд. Ценность института неофициального обвине-

ния, таким образом, видится в том, что он предоставляет личности возможность реализовать потребность в справедливости, не выходя за пределы правового поля. Одновременно это способствует повышению эффективности правового регулирования, поскольку возможность реализации индивидуальных потребностей в праве позволяет личности воспринимать правовые нормы как субъективную, индивидуально-значимую ценность. Характерно, что определенное осознание этого момента уже наблюдается среди юридической общественности. Так, по результатам опроса 150 практических работников, проведенного в городах Самаре, Саратове и Уфе, 35% опрошенных назвали нежелание граждан оказывать содействие в раскрытии преступлений одной из основных причин неудовлетворительного состояния уголовного преследования в России. Такое мнение выразили 43% опрошенных работников прокуратуры и органов внутренних дел, 35% адвокатов и 25% судей. Думается, что институт неофициального обвинения станет одним из средств преодоления отчужденности, которая в настоящее время наблюдается между правоохранительными органами и обществом.

Политологическое значение неофициального обвинения

Анализируя ценность института неофициального обвинения, нельзя ограничиться соображениями о его значимости для отдельного индивида, оскорбленного в правовом чувстве. По справедливому замечанию А.С.Александрова, признание за неофициальным обвинением только лишь индивидуалистической значимости объективно означает введение в уголовный процесс примитивной идеи мести, чем весьма существенно искажается самая природа института уголовного иска, имеющего основной целью публичную охрану правопорядка, а не только прав частных лиц²⁴. Поэтому вопрос о политологическом значении данного института затрагивает проблему взаимоотношений государства и общества в целом. Как известно, общественное участие в управлении делами государства составляет один из важнейших признаков демократии. В этой связи право членов общества на осуществление обвинения может рассматриваться в комплексе с другими политическими правами граждан. Вопрос этот получил исчерпывающее освещение уже в середине прошлого столетия в работах немецких юристов, таких как Гольцендорф, Бар и Гнейст. Указанными авторами было высказано мнение, что устранение монополии должностного обвинения, которое не всегда свободно от подозрения в партийном беспристрастии, и наделение частных лиц правом уголовного иска составляет неотложную потребность госу-

дарства, которое хочет впредь называться правовым, а не полицейским государством²⁵. Таким образом, неофициальному обвинению придавалось значение конституционной гарантии против политической пристрастности государственных обвинителей²⁶. Гнейст, помимо этого, считал право членов общества на уголовный иск одним из последствий принципа самоуправления, который предполагает участие граждан в осуществлении исполнительной и судебной функций государства²⁷. В этом отношении его поддерживал Н.Н.Полянский, который рассматривал частное обвинение как народный элемент в системе судопроизводства: «...вопросы об участии народного элемента в составе суда... и об участии частных лиц в публичном обвинении представляются вопросами, лежащими в одной плоскости. Их сближает... общность практической задачи... Эта задача — распространение на область правосудия общественной самодеятельности и общественного контроля»²⁸.

Высказанные указанными авторами соображения сохраняют свое значение и в современных российских условиях. Согласно ч.1 и 5 ст.32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства и в отправлении правосудия. Представляется, что это конституционное право следует понимать не только как возможность граждан участвовать в разрешении дела в качестве народных или присяжных заседателей, но и как признание полномочий частных лиц участвовать в преследовании преступлений.

Правовое значение неофициального обвинения

Все высказанные ранее соображения о ценности рассматриваемого института получили то или иное выражение в сфере правового регулирования. В период проведения судебной реформы 1864 года в России институт частного уголовного иска получил высокую оценку в качестве правового механизма, делающего уголовное преследование более эффективным. Исторический анализ и изучение современных тому времени зарубежных законодательств привели авторов реформы к мысли о том, что монополизация деятельности по преследованию преступлений только частными или исключительно должностными лицами снижает ее эффективность²⁹. Отсюда следовал логический вывод, что наилучшая организация уголовного преследования заключается в разумном сочетании его должностных и неофициальных форм. Как пишет А.Квачевский: «Соединение двух систем, поставление частного обвинения в уровень с должностным желательно как для лучшего устройства уголовного преследования, так и для успешного развития общественной самодеятельности»³⁰.

Интересно, что законодатели и теоретики прошлого века видели в организации системы частного обвинения механизм контроля за деятельностью органов прокуратуры в направлении преследования преступлений и гарантию против злоупотреблений со стороны прокурорских деятелей. Вот как пишет об этом В.Случевский: «Обстоятельством, значительно повлиявшим на расширение сферы деятельности частных лиц по преследованию преступлений и обличению виновников их, является окрепшее в наше время сознание, что монополия преследования со стороны прокуратуры ... представляет опасности и неудобства, для предупреждения которых необходимо создание ... корректив»¹¹. Ту же мысль мы находим в рассуждении законодательной комиссии, работавшей в конце XIX века над созданием новой редакции Устава Уголовного Судопроизводства. Комиссия в своих суждениях исходит из необходимости устранить «монополию доступа к суду уголовному»: «Что касается способа, которым могут быть удовлетворены в процессе интересы потерпевшего, и вместе с тем обеспечена и законность обвинительной деятельности прокурорского надзора, то лучшим, по мнению Комиссии, является допущение лиц, от преступления пострадавших, в качестве обвинителей наряду с прокуратурой. Возможное на практике бездействие последней вполне устраняется и парализуется инициативой частного обвинителя»¹².

Таким образом, по мысли теоретиков, наиболее эффективным способом построения обвинения является допущение к этой деятельности на паритетных началах должностных и частных лиц. Однако положительное законодательство ограничило случаи участия частных лиц в уголовном преследовании довольно узкими рамками: частные лица допускались в качестве обвинителей по всем делам, подведомственным мировым судебным установлениям (ст. 3 УУС), однако и здесь непременным условием было непосредственное причинение вреда преступлением, т.е. обвинителем мог быть только потерпевший¹³. В общих судебных установлениях права потерпевших ограничивались кругом дел, производство по которым начиналось не иначе, как по жалобе потерпевшего (ст. 171 Уложения о наказаниях) и возможностью выступать гражданским истцом по всем остальным категориям дел (ст. 6 УУС). Кроме того, более поздним законом от 3 мая 1883 года потерпевшим было предоставлено право жаловаться на прекращение дела окружным судом. Таким образом, дореволюционные правоведы придавали институту частного обвинения двойное значение: с одной стороны, он играл роль механизма защиты прав потерпевшего, а с другой, являлся гарантией от злоупотреблений со стороны официальных обвинителей.

Дальнейшее поступательное развитие института неофициального обвинения было прервано в октябре 1917 года, и лишь в наши дни вновь возникли проблемы, не до конца разрешенные реформой 1864 года.

Надо отметить, что в современной дискуссии центр тяжести переместился в сторону обсуждения неофициального обвинения как способа защиты интересов и прав потерпевшего. Характерное для последнего времени повышение научного интереса к фигуре потерпевшего закономерно вызвало увеличение внимания и к тем процессуальным формам, с помощью которых потерпевший имеет возможность защищать свои интересы. Современные исследователи обратились к теории субъективных публичных прав, автором которой стал немецкий юрист XIX века Г.Еллинек³⁴. Сущность этой концепции состоит в признании за частным лицом права самостоятельно защищать не только частные, но и публичные права³⁵.

В современной литературе эту проблему вновь поднял А.С.Александров. Исследуя вопрос о способах защиты права в уголовном процессе, автор приходит к выводу, что «...у потерпевшего, чье субъективное материальное право было нарушено преступлением, должно быть субъективное публичное право на уголовный иск. Независимо от того, какое частное материальное субъективное право индивидуума было нарушено, принимает ли публичная власть меры к публичному уголовному преследованию правонарушителя и восстановлению нарушенного правового состояния, потерпевший должен иметь право самостоятельно обратиться в суд за защитой своих прав»³⁶.

Таким образом, представляется, что демократическое государство, уважающее автономию личности, должно дать своим гражданам возможность защищать не только частные, но и публичные права. Поэтому потерпевший в российском уголовном процессе должен стать полноценным субъектом уголовного преследования, наделенным достаточными полномочиями для осуществления этой процессуальной функции, и обладающим относительной самостоятельностью в отношениях с правоохранительными органами.

Примечания

¹ См. напр., Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. М.: Тип. Лисснера и Собко, 1916; Его же. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение. М.: Тип. Лисснера и Собко, 1914; Таубер Л.Я. Иск, обвинение и состязательное начало // Вестник гражданского права. 1917. №1,2.

- ² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. II. С.31.
- ³ См.: Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. С.2.
- ⁴ См.: Там же.
- ⁵ См.: Там же.
- ⁶ См.: Ширков В.П. Участие потерпевшего от преступного деяния в возбуждении уголовного преследования и обличении обвиняемого // Вестник права. 1900. №6. С.120-130; Его же. Очерк общих оснований нашего уголовного процесса по сравнению с иностранными законодательствами / В сб.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Пг.: Тип. Правит. Сената, 1914. С.610.
- ⁷ См.: Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. М.: Наука, 1993. С.45.
- ⁸ См.: Там же. С.53.
- ⁹ См.: Там же. С.67.
- ¹⁰ См.: Там же. С.82.
- ¹¹ Альперт С.А. Потерпевший в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1956. С.22.
- ¹² Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Дис... канд. юрид. наук. Н-Новгород, 1995. С.199.
- ¹³ Улищенко М.Б. Функция обвинения в суде. Дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С.39.
- ¹⁴ См.: Там же. С.40.
- ¹⁵ См.: Александров А.С. Указ. соч. С.203.
- ¹⁶ См. напр., Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. В сб.: Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. Материалы научной конференции 22-23 января 2002 г., Москва. М., 2002. С.12.
- ¹⁷ Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. С.51.
- ¹⁸ См.: там же. С.53,56.
- ¹⁹ См. напр., Евтушенко А. Курская вендетта: сын фермера убил врага — Казюлькина // Комсомольская правда. 1999. 8 сентября. С.6.
- ²⁰ См. напр., Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С.278; Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу. В сб.: Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С.451.
- ²¹ Пермяков Ю.Е. Указ. соч. С.33.
- ²² См.: Некрасова Е.Н. Проблема человека в русском экзистенциализме (этический аспект). В сб. Человек как философская проблема: Восток — Запад. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. С.114.
- ²³ Пермяков Ю.Е. Указ. соч. С.33.
- ²⁴ См.: Александров А.С. Указ. соч. С.207.
- ²⁵ Цит. по Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении... С.8.
- ²⁶ См.: Там же. С.11.

²⁷ См.: Там же. С.12.

²⁸ Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение. М.: Тип. Г.Лиснера и Д.Собко, 1914. С.1.

²⁹ См. напр., Квачевский А. Указ соч. С.83-195.

³⁰ Там же. С.89.

³¹ Случевский В. Указ соч. С.213.

³² Объяснительная записка к проекту новой редакции УУС. Т.1. С.13-15,18. Цит. по: Ширков В.П. Участие потерпевшего от преступного деяния в возбуждении уголовного преследования и обличения обвиняемого перед судом // Вестник права. 1900. №6. С.134.

³³ При составлении Судебных Уставов было даже предложено для дел, подсудных мировым судам, принять английскую систему народно-частного обвинения, не ограничивая участие в уголовном преследовании только потерпевшими от преступления, но это предложение было отвергнуто Государственным Сенатом. См.: Ширков В.П. Указ. соч. С.121.

³⁴ Еллинек Г. Система субъективных публичных прав. Изд-е 2 / Пер. А.А.Рождественского. М., 1918. Вып.1. С.8-9.

³⁵ См.: Елистратов А.И. Основные начала административного права. М.: Изд-во Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1917. С.122.

³⁶ Александров А.С. Указ. соч. С.50-51.